

20 марта

№ 9-й.

1900 года.

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

О ПОКАЯНІИ.

(Окончаніе *).

III.

Благодѣтельная скорбь о грѣхахъ, ведущая къ исправленію, зиждется лишь въ *вѣрѣ, надеждѣ и любви*, питается молитвою, поддерживается постомъ и положительно нуждается въ смиреніи.

Вѣра наша показываетъ намъ истинную, святую красоту заповѣдей и жизни Божественной; черезъ нее передъ нами открывается царство свѣта, но еще ближе къ намъ, въ насъ самихъ, освѣщается другое царство—мрачное, грѣховное. Какое глубокое различіе! Тамъ счастье и блаженство, радость и свобода, здѣсь—горе и плѣнь; тамъ Судія, Отецъ Правды, здѣсь—вина, недостойная оправданія! Передъ очами вѣры сіяетъ чертогъ, украшенный для пира чистоты и святости, а я одежды не имѣю, чтобы войти въ него; желанія мои стремятся къ небу, а на ногахъ тяжелыя гири грѣха! Бѣдный я человекъ! Кто избавитъ меня отъ этой тяжести (Римл. VII, 24)?

*) См. № 8 неоффиц. части Полтав. Епарх. Вѣд. за 1900 г.

Надежда наша — Христосъ. Онъ избавляетъ насъ отъ отчаянія и плѣна грѣховнаго. Это Онъ — тотъ добрый пастырь, который „душу свою полагаетъ за овцы“ (Іоан. X. II), ищетъ даже одну, заблудившуюся изъ нихъ, беретъ на плечи свои, чтобы возвратить ее къ стаду, и радуется о ней съ Ангелами своими (Лук. XV, 4—10). Господь-Судія является Христомъ Искупителемъ. Свѣтъ Его не только обличаетъ беззаконія наши, но и озаряетъ надеждою. Въ этомъ свѣтѣ Христосъ ищетъ насъ, чтобы „посадить“ насъ. Онъ зоветъ: „придите ко Мнѣ вси труждающіеся“ (Мѡ. XI, 28) и общаетъ успокоеніе.

Но, Христе милостивый! я вижу Тебя на крестѣ и ужасаюсь правды Твоей: мои грѣхи, какъ гвозди, впилсь въ Твои пречистыя руки и ноги! Истинно такъ... Но я также слышу покаяніе разбойника и возвѣщенную ему радость, за крестомъ я вижу гробъ, въ которомъ погребены и запечатаны и мои грѣхи, взятые на Себя Спасителемъ, и пробуждается надежда моя при видѣ Ангела, отвалившаго камень отъ дверей гроба, и воскресаю я при словахъ Воскресшаго: «миръ вамъ».

Обновленію души нашей чрезъ покаяніе и надежду великимъ препятствіемъ служитъ гордость наша. Гордый человекъ не хочетъ видѣть грѣха и закрываетъ глаза отъ свѣта, почему и впадаетъ въ самообольщеніе. Не видя же своего грѣха и своей язвы, онъ не принимаетъ и леченія, и вотъ болѣзнь души его становится безнадежною. Если же всепроникающій свѣтъ истины заставитъ его, наконецъ, увидѣть себя въ настоящемъ грѣховномъ состояніи, то и въ такомъ случаѣ гордость мѣшаетъ ему искать спасенія у другою, хотя бы то у Самого Господа. Онъ думаетъ справиться съ этимъ несчастьемъ самъ — своими силами. Но первая же попытки въ этомъ направленіи обнаруживаютъ тщету однихъ собственныхъ усилій безъ помощи

Божией. Какъ часто наша самонадѣянность бываетъ наказана! Упорное желаніе гордеца быть вездѣ самымъ лишь собою, не смиряясь даже предъ необходимостью, въ концѣ концовъ, приводитъ или къ нравственному окаменѣнію, или къ тому отчаянію, которое погибаетъ на висѣлицѣ Иуды Искаріота! Несчастнѣй гордецъ! Не видитъ онъ того, что подобно всѣмъ людямъ, и онъ также грѣшенъ предъ Богомъ и безответенъ предъ Нимъ, и оправданіе наше есть милость Господня, пощада, не нами заслуженная, а Спасителемъ нашимъ. Въ смиреніи сердца мы должны молить о прощеніи и полагать надежду нашу не въ собственномъ достоинствѣ, а во Христѣ, пострадавшемъ за насъ. Истинное покаяніе говорить: «горе мнѣ грѣшному! Я не смѣю взирать на небо, ибо согрѣшилъ болѣе другихъ. Дай мнѣ слезы о грѣхахъ моихъ, дай мнѣ помысль о судѣ Твоемъ, не обличи меня правдою Твоею, но покрой милостью, пощади Свое созданіе, Владыко!» Таковы чувства смиреннаго, кающагося сердца, — чувства, а не слова только. Мы же иногда произносимъ лишь смиренныя слова, неискренно и лицемѣря даже предъ смми собою, говоримъ: «окаянный я человекъ! Согрѣшихъ чаще всѣхъ сыновъ человѣческихъ», и въ то же время не можемъ разглядѣть въ себѣ ни одного грѣха, внутренно довольны сами собою и даже втайнѣ гордимся этимъ самымъ своимъ напускнымъ смиреніемъ! Опасная сѣть, въ которую удовлетворяетъ насъ наша гордость! Тонкая ложь, опутывающая нашъ умъ и сердце даже на нѣкоторыхъ ступеняхъ праведности! Вотъ что говоритъ апостолъ Іоаннъ объ этой мнимой святости: «аще рѣчемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ» (1 Іоан. I, 8). Въ самомъ дѣлѣ, въ чистой водѣ мы ясно видимъ самое дно рѣки или озера и различаемъ не только крупные предметы, но и самый малый камешекъ и самую незамѣтную муть. Такова и христіанская совѣсть: чѣмъ она чище,

чѣмъ ясиѣе въ ней отражается и сквозь нее проникаетъ небесный свѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтнѣе становится наша собственная грѣховность и даже малѣйшее нарушение чистоты. Итакъ, если кто-либо увѣренъ въ своей праведности, пусть знаетъ, что душа его, — еще мутная вода, сквозь которую не проникаетъ лучъ небесный. Заблуждается мнимый праведникъ: истины нѣтъ въ немъ.

Смиримъ себя передъ Христомъ и въ смиреніи будемъ просить помощи у Бога и у святыхъ Его, и въ особенноти у Пресвятой Дѣвы, заступницы нашей и надежды нашей!

Жажда оправданія поведетъ насъ путемъ смиреннаго покаяніа къ прощенію грѣховъ нашихъ и даже къ большому: къ *любви Божественной*. Не только милость въ судѣ Своемъ окажетъ намъ Господь, но и согрѣетъ для добра наше сердце, обновитъ его любовію Своею, чрезъ Святаго Духа Своего (Іоан. XX, 22—23).

Прощеніе грѣховъ и милующая любовь Божія даруются намъ въ *таинствѣ покаяніа*. Мы исповѣдуемъ грѣхи свои передъ священникомъ, раскрываемъ ему совѣсть нашу, и онъ, видя нашу искренность и наше твердое намѣреніе начать новую добрую жизнь, объявляетъ намъ прощеніе Иисуса Христа властію Духа Святаго. Воистину безконечная, милующая любовь Божія совершаетъ это таинство! Кто бы могъ получить спасеніе, если бы Господь не даровалъ сего благодатнаго средства омывать душу нашу, когда она утрачиваетъ свою первоначальную чистоту, получаемую во св. крещеніи? Лишь путемъ покаяніа мы со ступеньки на ступеньку можемъ подниматься по высокой лѣстницѣ, ведущей къ небу. Это—постепенное внутреннее перерожденіе, черезъ которое мы растемъ нравственно и поддерживаемъ свои духовныя силы, исцѣляясь отъ душевныхъ недуговъ, учась

ненавидѣть грѣхъ въ самихъ себѣ и всѣмъ сердцемъ любить добродѣтель.

Осенью опадаютъ съ деревьевъ отжившіе листья: такъ чрезъ покаеніе должны отпасть отъ насъ грѣхи наши. Но мы наблюдаемъ, что вмѣсто омертвѣвшихъ листьевъ на вѣткахъ уже есть зародыши новой зелени, почки, которыя распускаются весною, послѣ зимняго испытанія. Пусть осенній дождь, порывы холоднаго вѣтра обнажаютъ деревья, они уже хранятъ въ себѣ начатки будущаго расцвѣта. Слезы покаенія и вопли тѣсноты душевной также смываютъ наши грѣхи, но мы, подобно деревьямъ, должны приготовить себѣ *уже во время этой скорби* новыя почки для новой жизни: твердое намѣреніе измѣниться. Исполненіе этого намѣренія нужно начать теперь же, ранѣе, чѣмъ мы получимъ прощеніе грѣховъ. Этимъ началомъ новой жизни является то, что мы въ самихъ себѣ должны пережить и усвоить тайну прощенія, т. е. простить всѣ обиды, намъ нанесенныя, примириться со всѣми врагами, и въ душѣ своей даже съ тѣми, которые не хотятъ мириться съ нами. Если Христосъ даже нашей жертвы не принимаетъ безъ нашего примиренія съ нашими соперниками (Мѣ. V, 23 — 26), то тѣмъ болѣе не приметъ нашей просьбы о прощеніи, коль скоро мы сами не хотимъ прощать. «Не знаете, чего просите», — отвѣтитъ Онъ самъ.

Когда въ душѣ нашей, чрезъ самоиспытаніе, постъ и молитву, слезы и сокрушеніе, созрѣетъ готовность перемѣниться, мы должны запечатлѣть это искреннимъ исповѣданіемъ грѣховъ своихъ предъ священникомъ, какъ свидѣтелемъ, въ невидимомъ присутствіи Самого Христа. Все, безъ утайки, должны мы открыть въ этой врачевницѣ души, чтобы получить исцѣленіе, помня, что все утаенное становится для насъ «сугубымъ грѣхомъ».

Трудно бываетъ переживать стыдъ грѣха передъ другимъ

человѣкомъ, и иногда кающійся не можетъ побороть себя и открыться во всемъ священнику, хотя и знаетъ, что его тайна сойдетъ въ могилу вмѣстѣ съ духовникомъ, не имѣющимъ права открывать сказанное на исповѣди. Надо полагать, что цѣпкое зло дѣлаетъ изъ насъ послѣднюю отчаянную попытку удержаться въ сердцѣ человѣка. Потому нужно усилиться и сбросить съ себя эту помѣху ложнаго стыда. Мы стыдимся открыть свою тайну человѣку, хотя и облеченному властію прощать и удерживать грѣхи, но все же близкому къ намъ по природѣ и самой грѣховности. Какой же безмѣрный стыдъ придется намъ, испытывать тамъ, на судѣ всевидящаго Бога, когда все тайное раскроется передъ всѣми. Не милость ли это Божія, что намъ этотъ стыдъ дозволено пережить раньше и черезъ то очиститься передъ Богомъ? Судъ же Божій не только видится насъ въ будущемъ, но и все время невидимо совершается: мы стыдимся открыться священнику, а между тѣмъ тайны нашей жизни всѣ уже стоятъ на судѣ предъ очима Сердцевѣдца.

Если-бы прошеніе грѣховъ подавалось намъ безъ устной исповѣди, то какое удостовѣреніе могли бы мы имѣть въ томъ, что дѣйствительно мы оправданы Богомъ? Успокоеніе совѣсти? Но оно можетъ быть обманчивымъ. Мы вообще склонны усыплять нашу совѣсть и оправдывать себя въ своихъ проступкахъ, а потому и требуется для насъ болѣе безпристрастный судья, чѣмъ мы сами. Совѣсть можетъ молчать и тогда, когда она подавлена тяжестью проступленій, пока не проснется черезъ много лѣтъ послѣ содѣяннаго. Потому необходимо намъ достовѣрное свидѣтельство о нашемъ оправданіи. Кромѣ того, если покаяніе наше нелицемѣрно, если мы не повинность только отбываемъ, а истинно сокрушаемся о своихъ грѣхахъ, то само сердце ищетъ повѣреннаго о нашихъ тайнъ и нашего горя, и стремится высказаться. Скрытая тайна на сердцѣ — мучитъ насъ, и мы чувствуемъ

облегченіе, когда дѣлимся ею съ другимъ человѣкомъ. Это законъ нашей душевной жизни. Такимъ образомъ, сама любовь Божія обнаруживается въ дарованіи намъ благодатнаго покаянія, чрезъ исповѣданіе грѣховъ передъ священникомъ... Получивъ отъ него удостовѣреніе, что грѣхъ прощенъ, укрѣпившись въ намѣреніи исправить нашу жизнь и совершить благочестивое упражненіе или понести епитимию, если духовникъ наложилъ ее на насъ, для примиренія съ Богомъ,—мы снова становимся чистыми передъ правдой Неба и воспринимаемъ любовь Божию въ послѣдующемъ величайшемъ таинствѣ причащенія, чрезъ которыя самъ Христось-Искупитель вселяется внутрь насъ.

Въ дни покаянія, въ Св. Четырдесятницу да совершитъ Господь благодатную перемѣну душъ нашихъ! Аминь.

(С.-П. Д. В.). Священникъ *Іоаннъ Слободской*.

С Л О В О

при погребеніи ключаря Полтавскаго кафедральнаго собора, священника П. М. Діаталовича, 6 марта 1900 года.

Что сіе, еже о насъ бысть, таинство? Како предахомся тлѣнию? Како сопрягохомся смерти. (Погребальн. стихира)?

Въ круговращеніи жизни ежедневно мы наблюдаемъ послѣ тайны рожденія таинство смерти. Въ отдѣльности cadaго изъ насъ въ свое время ожидаетъ смерть: „все къ той же нудимся обители, и подь тойжде пойдемъ камень, и сами прахъ помалѣ будемъ“ (Погребальн. стихира). И однако

всегда и неизмѣнно явленіе смерти вызываетъ у насъ чувство ужаса и скорби.

И какъ не скорбѣть? Создатель, Слово творческое, образомъ своимъ почилъ насъ, рукъ своихъ созданіе: живописавъ въ вещественномъ зракѣ умнаго существа подобіе его же и причастниками насъ поставилъ, положивъ на земли начальствовать надъ тварями самовластіемъ“. Мы же, причастниками грѣха ставши, омрачили въ себѣ зракъ творческаго Слова; во грѣхѣ же стали причастниками и смерти. „И сицевое бысть наше житіе, сіе на земли игралище: не сущимъ быти, и бывшимъ растлѣтися. Есмы соніе непостоянное, дуновеніемъ неодолимое“. По сему—претить нашему духу, призванному къ жизни Животомъ вѣчнымъ и назначенному для жизни вѣчной, явленіе смерти со всѣмъ тѣмъ, что произвело смерть.

Ежедневно смерть похищаетъ кого—нибудь изъ насъ, и нынѣ предъ нами гробъ. Мы не вѣдаемъ ни дня, ни часа, въ который по волѣ Божіей явится къ намъ ангелъ смерти. Часто является смерть совершенно неожиданно, какъ и нынѣ. Что же мы предпринимаемъ въ чаяніи своей смерти, кромѣ вздоха и скорби? Не совершаетъ ли жизнь своего теченія у большинства изъ насъ такъ, какъ бы никогда не имѣло быть смерти?

Внемлемъ же мы наставительному голосу церковной пѣсни: „видяще подлежаща мертва, образъ воспримемъ вси конечнаго часа: сей бо отходитъ яко дымъ отъ земли, яко цвѣтъ отцвѣте, яко трава посѣщесе“. Путемъ смерти отошли отъ сей жизни вси земнородные, и вси сонмы праведниковъ. Но не всѣмъ умершимъ смерть одинаково была страшна. Дабы смерть намъ была менѣе страшна, отъ насъ завить ослабить причину, производящую смерть. Единственная причина смерти—грѣхъ. „Грѣхомъ смерть во вся челоуѣки вниде“ (Римл. 5, 12); „грѣхъ—жало смерти“

(I. Кор. 15, 63), —учить насъ слово Божіе. Посему къ душѣ, къ совѣсти своей, для испытанія, мы должны обращать свои мысленные взоры каждый разъ, когда созерцаемъ явленіе смерти. И наша совѣсть сказать намъ должна, отчего въ особенности намъ смерть страшна. О если бы каждый изъ насъ въ послѣднія минуты своего бытія могъ сказать своимъ приснымъ и окружающимъ: „будьте спокойны, — я спокоенъ“ (слова Царя Миротворца)!

Для предсмертнаго спокойствія совѣсти мы всю свою жизнь располагать должны такъ, чтобы всегда были готовы жить и готовы умереть. *Милъ еже жити — Христосъ, и еже умрети — приобретение* (Филип. 1, 21), — подаетъ намъ собою примѣръ блаженный Апостоль. Для сего молитва, трезвеніе духа, добродѣланіе — единственные пути.

Объ усопшемъ и предлежащемъ собратѣ нашемъ досто-почтенномъ іереѣ Петрѣ наши свѣдѣнія не лишены утѣшенія: его бездыханный трупъ былъ найденъ въ домѣ повергнутымъ предъ святыми иконами, послѣ предшествовавшего сему умилительнаго чтенія имъ изъ святаго Евангелія о страданіяхъ нашего Спасителя и Господа на второй пассіи. Самъ Господь доставилъ ему сіе послѣднее въ жизни великое и спасительное утѣшеніе: рядовой чтець Евангелія (говорящій сіе) по нуждѣ отвлеченъ былъ для сего же дѣла въ другой храмъ, и поему евангельское чтеніе исполнить пришлось усопшему собрату. Такъ отошелъ онъ въ горній міръ отъ исполненной страданій жизни какъ истинный крестоносець, — его послѣднею мыслію были крестъ и страданія нашего Спасителя. Всѣмъ молящимся въ семъ св. храмѣ его настроеніе и память о немъ предъ глазами: его попеченіемъ устроены святыя иконы Богоматери „всѣхъ скорбящихъ радости“ и свитителя Феодосія Черниговскаго чудотворца, которыхъ онъ былъ усерднымъ чителемъ. Когда будете поклоняться симъ святынямъ, помяните въ

своей молитвѣ соорудившаго ихъ раба Божія іерея Петра. Сие еже о насъ, таинство смерти во истину Бога повелѣниемъ бысть. Отъ всего сердца все помолимся, да подастъ Господь представльшемуся упокоеніе и намъ утверженіе.

Священникъ *Іустинъ Ольшевскій.*

ПОУЧЕНІЕ

произнесенное на литургіи въ Полтавскомъ кафедральномъ соборѣ, въ день погребенія ключаря онаго собора, священника Петра Діаталовича.

*Зряще мя безгласна, и бездыханна
предлежаща, восплачьте о мнѣ, братіе
и друзи, сродницы и знаеміи:
вчера шій день безъдовахъ съ вами, и
внезату найде на мя страшный часъ
смертный. (Стих. погреб).*

Какъ много страшнаго и грустнаго всегда приходится видѣть и чувствовать при гробѣ новопреставленныхъ ближнихъ нашихъ! Особенно тяжело бываетъ на сердцѣ при видѣ и наблюденіи неожиданной, внезапной кончины. Вотъ предлежащій во гробѣ, возлюбленный собратъ нашъ священноіерей Петръ, какъ неожиданно, тихо, спокойно, безболѣзненно обращается въ бездыханный и безславный трупъ, разрывая на вѣки всякія связи съ живыми людьми какъ бы уязвленный борьбою житейскою, вдругъ падаетъ подобно обезсилившему путнику, ища покоя и тишины въ темной и мрачной могилѣ! Не оны, ни мы, близкіе къ нему, не въдали, что утрѣ, днемъ или ноцію это случится съ нимъ. Такова жизнь наша. Это, — по слову Апостола, по истинѣ, *пара есть, яже в малъ являеться, потомъ же исчезаетъ*

(Лук. IV, 14). Такова участь человеческая на землѣ. Посему, смотря на сей гробъ, будемъ, братіе, носить въ своемъ сознаниі, что рано или поздно, быть можетъ завтра, даже сегодня, сей часъ, сію минуту, и мы безъ предвѣстника смерти—бодѣзни станемъ въ положеніи почившаго, окруженные сободѣзнованіемъ и конечно молитвами. *Будемъ же и мы готовы* (Лук. 12, 40). Пусть не увлекаетъ насъ эта суетливая и мятежная жизнь, часто похожая на суетливый и шумный базаръ, движущаяся большею частію къ грѣшнымъ цѣлямъ, переполненная суетливыми планами и расчетами земными, такъ безполеными и ничтожными при кончинѣ нашей. Грозный часъ смертный всегда да будетъ памятенъ намъ. Онъ внушаетъ намъ не забывать о нашемъ высшемъ назначеніи, о небѣ, о истинномъ отечествѣ нашемъ, и стоять какъ бы на стражѣ постоянно *бдящими и готовыми* встрѣтить въ полнощи внезапно грядущаго Господа со свѣтильниками и крѣпкой вѣры и съ обильными дѣлами любви и благочестія.

Но какъ бы ни силились мы не впечатлѣваться ужасами смерти, какъ бы ни настраивали себя къ спокойному и сознательному размышленію о неизбѣжномъ часѣ смертномъ, о возможности неожиданнаго и внезапнаго прекращенія нашей жизни, все таки невольный страхъ, тяжелая грусть западаетъ въ душу при гробѣ умершихъ. Чѣмъ же утѣшить себя? Для успокоенія нашего поучимся у почившаго священноерея Петра, какъ нужно жить и какъ умирать.

Въ мѣръ скорби будете (Іоанна 16, 33). На всемъ пространствѣ жизни покойнаго оправдались эти слова Спасителя. Жизнь его преисполнилась столь тяжелыхъ скорбей и испытаній, что приходится удивляться, какъ онъ могъ съ такимъ мужествомъ перенести ихъ, дожить до почтенной старости и остаться вѣрнымъ, непоколебимымъ и стойкимъ въ своихъ правилахъ и убѣжденіяхъ. Только глубокая вѣра

въ промыслъ Божій, только непрестанная молитва, терпѣніе и покорность вождь Божіей могли укрѣплять его и сохранить долгіе годы неизмѣнный и добрый образъ его жизнедѣятельности, о исполненной труда, вѣрности, служебному долгу, умѣнья мириться съ бѣдами и ударами, непосылаемыми судьбою, и выходить изъ одной борьбы житейской неослабѣвшимъ и готовымъ на новое бореііе во славу Божию. Всегда спокойный и невозмутимый, онъ, какъ истинный воинъ Христовъ, оудшевляясь глубокою христіанскою вѣрою, внутреннимъ благочестіемъ, искреннимъ послушаніемъ уставамъ церковнымъ, и благоговѣйнымъ—сосредоточеннымъ предстоаніемъ предъ престоломъ Господнимъ и молитвеннымъ самоуглубленіемъ въ домѣ и при священнодѣйствіяхъ во храмѣ, никогда не поддавался осуетливости мірской и былъ чуждъ всякихъ развлеченій и удовольствій. Иногда суровый на видъ, часто малодоступный, или настойчивый, особенно, среди дѣлъ и занятій, онъ никогда не вносилъ нарушенія мира и единенія. Въ послѣдніе же дни своей жизни, какъ бы пріурочивая себя къ земной разлукѣ со всѣми, онъ обнаруживалъ такое ласковое, мирное, дружественное и доброе обращеніе со всѣми, съ старшими и младшими, что, казалось, какъ будто, стремился открыть тайники своей души и сердца и всѣмъ показать, какія свойства составляли отличительныя черты его природы, какъ ошибаются тѣ, которые подъ внѣшнею суровостію и свойственною ему твердостію и неизмѣнностію правилъ и усвоеннаго порядка жизни видѣли въ немъ злого и ненавистнаго человѣка, намѣренно могущаго вредить другому.

Такъ живя, имѣя постоянно истинно-христіанское настроеніе, всегда пребывая въ вѣрѣ, надеждѣ и любви къ Богу, молитвенно взираючи и преклоняясь предъ образомъ Божіей Матери, въ испрошеніи заступничества и покровительства. Которой находилъ себѣ утѣшеніе и надежду, и предъ обра-

зами святителей и угодниковъ Божіихъ, особенно святи-
 Теодосія, поклонникомъ котораго чаще и болѣе являлъ
 себя, онъ уготовалъ себѣ и кончину тихую, мирную, без-
 мятежную и непостыдную, склонивъ на вѣки главу свою на
 мѣстѣ своихъ молитвенныхъ подвиговъ предъ божницею съ
 неугасаемымъ свѣтильникомъ, какъ бы освѣщающимъ ему
 путь въ вѣчное небесное жилище.

Мы, братіе, почитатели памяти покойнаго священноіерея
 Петра, вспоминая его многоплодную и долгихъ дней испол-
 ненную жизнь и истинно христіанскую кончину, съ дерзно-
 вениемъ вознесемъ о немъ молитвы къ Господу Богу, да
 проститъ ему вся вольная и невольная прегрѣшенія его, и
 да ни во что же вмѣнитъ ихъ ради тѣхъ дѣяній благотворенія
 на Божіи храмы, ради трудовъ и милосердія въ отношеніи
 къ разнымъ благотворительнымъ и просвѣтительнымъ учреж-
 деніямъ и многихъ другихъ свѣтлыхъ качествъ боголюбивой
 души его, которыхъ мы были свидѣтелями во время земной
 его жизни, наипаче же ради Своего неизреченнаго человеко-
 любія и безцѣнныхъ заслугъ Единороднаго Сына Своего и
 Спасителя человековъ.

Насъ же всѣхъ, еще пока оставшихся на земномъ
 поприщѣ, да сохранитъ Господь по благодати, милосердію
 и благодсти Своей отъ обольстительной суеты мірской и заб-
 венія о часѣ смертномъ и научитъ проводить и исчислять
 дни наши, чтобы въ назначенное провидѣніемъ время *гто-*
ды явиться и намъ предъ лицомъ Его и дать добрый
 отвѣтъ на страшномъ судѣ Его. Аминь.

П. О. Л.

Учрежденіе и открытіе церковно-приходской школы при Переяславской Вознесенской Обители.

Въ лѣтописяхъ Переяславской Вознесенской Обители и въ общественной жизни г. Переяслава 3-й день октября мѣсяца 1899 года навсегда останется памятнымъ, дорогимъ днемъ. Въ этотъ день милость Божія, чрезъ благословеніе Архипастыря, даровала бытіе новому разсаднику церковнаго просвѣщенія въ стѣнахъ обители града-монастырской одно-классной мужской церковно-приходской школѣ.

Бдительный взоръ Архипастыря церкви Полтавской, Преосвященнѣйшаго Епископа Иларіона, неусыпно пекущагося объ укрѣпленіи и расширеніи дѣла церковной школы въ его паствѣ, усмотрѣлъ настоятельную необходимость въ открытіи, для духовной пользы дѣтей горожанъ, кромѣ существующихъ уже въ городѣ начальныхъ училищъ разныхъ вѣдомствъ, школы церковной при Переяславскомъ монастырѣ. Господь благоволилъ, къ осуществленію желанія любвеобильнаго сердца Владыки, послать и добраго дѣятеля на мѣствѣ, и матеріальныя къ сему средства. Назначенный съ начала настоящаго года новый управляющій Переяславской обителью, іеромонахъ Геннадій, съ ранней весны, озаботился благоустройствомъ избраннаго имъ помѣщенія для школы въ одномъ изъ монастырскихъ каменныхъ зданій, гдѣ нѣкогда помѣщались отдѣленія словесности и богословія Переяславской духовной семинаріи, и сооруженіемъ потребной для школы обстановки. Расходъ для сего потребовался значительный, болѣе 600 руб. Помочь средствами обитель, по бѣдности своей, не могла. Нуженъ былъ щедродательный благодѣтель. Такимъ и явился благопечительный о. Геннадій, принесшій отъ себя первую щедрую жертву въ основаніе добраго дѣла. Обставивъ школу извнѣ всѣмъ необходимымъ съ полнымъ достаткомъ, О. Геннадій приискалъ и

достоинныхъ приставниковъ для созидаемаго имъ дѣла. На должность законоучителя и учителя школы онъ пригласилъ питомца Полтавской духовной семинаріи, окончившаго курсъ въ семь году, Евфимія Верещакина, а преподаваніе церковнаго пѣнія поручилъ регенту монастырскаго хора, Алексію Хворостенко, окончившему курсъ Житомирской церковно-учительской школы. Жалованье учителю о. Геннадій назначилъ отъ себя лично, въ размѣрѣ 240 р. въ годъ, при квартирѣ и полномъ содержаніи. Отъ него-же назначено и жалованье учителю пѣнія. Когда все готово было къ официальному открытію школы, о. Геннадій, рапортомъ отъ 13 сентября за № 88-мъ, доложилъ о семъ Преосвященнѣйшему Владыкѣ Иларіону и просилъ Архимандрита Его благословенія на начало дѣла. Его Преосвященству на рапортѣ семъ, отъ 19 сентября с. г. благоугодно было начертать такую резолюцію: „1. Утѣшаюсь заботами іеромонаха Геннадія, душевно благодарю и молитвенно призываю на него благословеніе Господне; что и обозначить въ послужномъ спискѣ; 2., устроитель школы іеромонахъ Геннадій утверждается попечителемъ оной; 3., законоучителемъ и учителемъ утверждается воспитаникъ семинаріи Евфимій Верещакинъ, учителемъ пѣнія—послушникъ монастыря Алексій Хворостенко; 4. при открытіи училища объявить резолюцію и сообщать письменно отдѣленію Совѣта“. 3 октября съ подобающею торжественностію совершенно было освященіе и открытіе монастырскаго школы. Торжество началось служеніемъ Божественной литургіи въ соборномъ монастырскомъ храмѣ, въ предстоительствѣ градскаго о. протоіерея Н. Терлецкаго, въ сослуженіи управляющаго монастыремъ, іеромонаха Геннадія, Переяславскаго Уѣзднаго Наблюдателя ц. шк., Данила Данилевскаго и 2-хъ іеромонаховъ. Извѣщенные заранѣе о предстоящемъ торжествѣ, горожане въ большомъ количествѣ наполнили

громадный монастырскій храмъ. Въ положенное время о. протоіереемъ произнесено было глубоконазидательное слово, въ коемъ онъ указалъ, что учрежденіе церковной школы при обители служить добрымъ свидѣтельствомъ вѣрнаго пониманія и дѣятельнаго выполненія иноками завѣта Христа Спасителя о любви къ ближнему и усиленномъ служеніи его духовнымъ нуждамъ. По окончаніи литургіи, изъ храма къ школѣ вышелъ крестный ходъ, въ коемъ приняли участіе, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, о. председатель Переяславскаго отдѣленія совѣта, благочинный градскій, священникъ М. Соховичъ, нѣкоторые изъ членовъ отдѣленія отъ духовенства и все градское духовенство. Въ крестномъ ходѣ изнесенъ былъ, въ благословеніе школы отъ обители, образъ Св. Преподобномученика Макарія, небеснаго покровителя обители и новосозданной школы, нетлѣнно почивающаго въ главномъ соборномъ монастырскомъ храмѣ. Въ классной комнатѣ школы совершенъ былъ, въ предстоительствѣ о. протоіерея, чинъ освященія воды, а затѣмъ и освященіе зданія. На торжествѣ этомъ присутствовали представители свѣтской власти, корпорація духовнаго училища съ помощникомъ смотрителя во главѣ, много почетныхъ гостей, учащіе, дѣти школьники, въ количествѣ 56 д., и ихъ родители. Отрадно было видѣть, съ какимъ усердіемъ и благоговѣнной радостію молились эти послѣдніе изъ здѣ присутствовавшихъ богомольцевъ, принося благодареніе Богу-Благодателю и испрашивая отъ Него милости тѣмъ, кто щедро рукою, отъ любящаго сердца, далъ средства и возможность ихъ чадамъ воспріять церковное просвѣщеніе подъ сѣнію обители и ея небеснаго предстателя. Закончилась молитва. Начался актъ официалаго открытія школы. Въ учительской комнатѣ собрались почетные гости. Прочіе помѣстились въ классной. Здѣсь стояли и будущіе питомцы школы. Послѣ исполненной молитвы Св. Духу, о. предсѣ-

датель отдѣленія совѣта, священникъ М. Соховичъ обратился къ собранію съ рѣчью, въ коей всесторонне развили мысль о пользѣ воспитанія и обученія дѣтей въ духѣ, и завѣтахъ Св. Матери—церкви. Примѣръ плодовъ такого воспитанія явилъ собою Св. Преподобномученикъ Макарій, явилъ своею жизнію и мучительствомъ за Христа. Въ заключеніе имъ прочитана была вышеприведенная резолюція Его Преосвященства и школа объявлена открытой. Вслѣдъ за сѣмъ, всѣми участниками торжества съ искреннимъ воодушевленіемъ исполненъ былъ гимнъ: „Боже, Царя храни“. Торжественный актъ заключился молитвой обычной.

Радужный мѣстоблюститель отсутствовавшаго хозяина обители, Архипастырь—Владыки, о. Геннадій пригласилъ въ свои покои всѣхъ почетныхъ гостей и братію монастыря, гдѣ предложена была и скромная закуска; въ положенное время отъ него-же предложенъ былъ обѣдъ въ монастырской трапезѣ; здѣсь хлѣбъ—соль раздѣлили вмѣстѣ всѣ: отъ старшаго почетнаго гостя—до послѣдняго послушника. Трапезу вкушали въ безмолвіи, по чину монастырскому, при чтеніи житія дневного святого. Только по окончаніи положеннаго чтенія, возглашено было діакономъ многолѣтіе Государю Императору, Царствующему дому, Св. Синоду, Благостѣишему Владыкѣ, строителю и благодѣтелю школы, пречестному іеромонаху Геннадію, братіи обители, учащимъ и учащимся новосозданной школы. Произнесено было и нѣсколько, приличныхъ торжеству, задушевныхъ здравій.

Да процвѣтаетъ же въ роды родовъ новооткрытый любовью при Переяславской Вознесенской обители благодѣтельный питомникъ церковношкольнаго просвѣщенія, а питомцы его да сохраняютъ въ своихъ сердцахъ благодарную память о своихъ просвѣтителяхъ, доброю жизнію оправдывая несомыя на пользу ихъ жертвы и труды!

Переяславскій Уѣздный Наблюдатель церковныхъ школъ,
священникъ *Даніилъ Данилевскій*.

Алексѣй Никитичъ Волковъ.

(некрологъ).

25 января 1900 года, въ третьемъ часу ночи, скоропостижно скончался въ г. Ромнахъ отъ паралича сердца помощникъ смотрителя Роменскаго духовнаго училища, надворный совѣтникъ Алексѣй Никитичъ Волковъ. Въ лицѣ почившаго Роменское духовное училище, а вмѣстѣ съ нимъ и духовенство Роменскаго училищнаго округа потеряло выдающагося по своимъ дарованіямъ и опытности воспитателя. Горечь потери тѣмъ чувствительнѣе, что покойный скончался на 53 году жизни, въ полномъ разцвѣтѣ силъ, энергіи и дарованія.

А. Н. Волковъ родился въ февралѣ мѣсяцѣ 1847 года въ селѣ Протасовкѣ, Роменскаго уѣзда, Полтавской губ., гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ и благочиннымъ. Съ самаго ранняго дѣтства онъ отличался любознательностію и большою охотою къ ученію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не обладалъ крѣпкимъ здоровьемъ. Родители поэтому, опасаясь за здоровье мальчика, долго не могли разстаться съ нимъ, подготавливая къ поступленію въ школу на дому. Въ 1859 году А. Н., 12 лѣтъ отъ роду, поступилъ въ среднее отдѣленіе „Роменскихъ духовныхъ уѣздныхъ училищъ“, какъ именовалось тогда теперешнее духовное училище. Болѣзненный и слабосильный по виѣшнему виду мальчикъ обратилъ вниманіе на себя тогдашняго ректора училищъ, протоіерея В. Я. Горуновича, челоѣка въ высокой степени гуманнаго и просвѣщеннаго, который, вскорѣ по поступленію мальчика въ училище, замѣтивъ въ немъ

хорошія способности, любознательность и прилежаніе, взявъ его подъ свое покровительство. Между учениками средняго отдѣленія были юноши 18—20 лѣтняго возраста съ вполне развитыми наклонностями и привычками взрослыхъ людей, и имъ казалось просто оскорбленіемъ имѣть своимъ товарищемъ двѣнадцатилѣтняго мальчика, который къ тому же по внѣшнему виду и росту казался моложе своихъ лѣтъ, но который вмѣстѣ съ тѣмъ усилками и знаніями далеко превосходилъ своихъ товарищей. Ректоръ, въ хорошею знавая среду бурсаковъ, не показывая открыто особеннаго расположенія къ новичку, вмѣстѣ съ тѣмъ зорко оберегалъ его отъ вліянія товарищей, и отъ нихъ преслѣдованій до тѣхъ поръ, пока мальчика не полюбили въ классѣ. Довѣрчивый и ласковый къ другимъ, онъ въ скоромъ времени по доброту и по доброту въ училище расположилъ какъ себѣ товарищей своимъ ровнымъ, открытымъ и благороднымъ характеромъ. Товарищи, раньше враждебно къ нему относившіеся, и учителя не могли обходиться безъ его участія во время приготовленія уроковъ, такъ какъ ученикъ Волковъ, поступивъ въ училище съ хорошей сравнительно домашней подготовкой, и обладавъ недюжинными способностями, шелъ въ числѣ первыхъ, оказывая постоянно помощь и своимъ товарищамъ. Съ этой стороны ректоръ скоро могъ успокоиться за своего любимца, но и въ послѣдующее время покровительство его далеко не было излишнимъ. На горизонтѣ школьной жизни занималась уже заря новаго вѣянія и новыхъ—гуманныхъ и болѣе цѣлесообразныхъ взглядовъ на задачи воспитанія. Было какъ-разъ то время, когда старымъ порядкамъ въ бурсѣ предвидѣлось начало конца и наступала пора примѣненія въ школьномъ дѣлѣ иного болѣе человѣчнаго обращенія съ воспитанниками. Начальству духовно-учебныхъ заведеній съ одной стороны, нужно было тщательно оберегать своихъ питомцевъ отъ свойственнаго юности увлеченія новымъ те-

зненіємъ, а въ другой — необходимо было постепенно смягчать и ослабивать потживавшіе свое время суровыя приемы старой школы, чтобы переходъ отъ нихъ къ новымъ порядкамъ не такъ рѣзко обросался въ глаза питомцамъ и не слишкомъ замѣтно отражался на настроеніи воспитанниковъ. Правда, заря новаго теченія мало видна была воспитанникамъ низшей школы, а со съ этой стороны добромъ и заботливому ректору не пришлось беспокоиться о маленькомъ Волковѣ; зато часто приходилось смягчать и наказанія, съ какими онъ могъ подвергаться за свою бойкость и откровенность. Нравственной дѣтской природѣ мальчика, вышедшаго изъ хорошей гуманной семьи, возмутительныя были употреблявшіяся тогда мѣры взысканій, — это бидѣлъ его покровитель и съ нѣжной заботливостью оберегалъ его. Уже будучи самъ помощникомъ смотрителя, А. Н. съ грустью иногда вспоминалъ о томъ ужасномъ впечатлѣніи, какое оставляло на немъ зрѣлище наказанія товарищей. Такія воспоминанія онъ старался заглушить и подавить въ себѣ наиболее дѣятельной и энергичной любовью къ дѣтямъ, которыя вѣрены были его воспитательному руководству.

Во время пребывания А. Н. въ училищѣ скончался отецъ его, оставивъ семью изъ нѣсколькихъ человекъ малолѣткови. Помимо горя, которое принесла эта смерть, она лишила вдову съ дѣтьми матеріальныхъ средствъ. Природная охота къ ученію подкрѣплялась теперь у ученика Волкова и сознаніемъ необходимости трудиться, а такъ какъ, въ противномъ случаѣ, не получивъ пособія, онъ бы совсѣмъ могъ очутиться за порогомъ школы. При такомъ настроеніи, онъ рѣдко разставался съ книгой и въ 1863 году, 16 лѣтъ отъ роду, поступилъ въ Полтавскую духовную семинарію, окончивъ училище третьимъ ученикомъ.

Семинарію онъ представлялъ себѣ высшимъ разсадникомъ науки, куда доступъ возможенъ былъ не всякому; такое

представленіе поселило въ немъ сомнѣніе на счетъ своей подготовленности и способностей; представленіе это подерживалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что по многимъ предметамъ онъ и самъ чувствовалъ значительныя пробѣлы въ своихъ знаніяхъ. Покойный вспоминалъ пережитое имъ однажды волненіе, когда пришлось ему первый разъ писать въ семинаріи сочиненіе по русской словесности на періоды. Волненіе дошло до отчаянія, и семинаристъ Волковъ представилъ преподавателю свой трудъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что его уволятъ изъ семинаріи по неспособности. Но волненія его оказались напрасными: работа была оценена высшимъ балломъ. Этотъ случай окончательно утвердилъ въ немъ увѣренность въ своихъ силахъ и успокоилъ на счетъ дальнѣйшей судьбы. Въ семинаріи А. Н. пробылъ съ 1863 по 1869 годъ, окончивъ курсъ въ числѣ лучшихъ студентовъ. О трудностяхъ своего собственнаго ученія А. Н. не любилъ рассказывать, онъ былъ скромнъ и никогда не старался выставлять на показъ свои знанія; только въ задушевныхъ бесѣдахъ съ людьми близкими — друзьями и товарищами — въ немъ не могъ укрыться челоѣкъ съ разностороннимъ и основательнымъ умственнымъ развитіемъ. Прочное основаніе этому развитію положено во время пребыванія въ семинаріи. По рассказамъ его товарищей, А. Н. все свое свободное отъ уроковъ и писанія сочиненій не только себѣ, но и товарищамъ, время посвящалъ чтенію книгъ. Все лучшее въ семинарской библіотекѣ было имъ перечитано; книги брались у преподавателей, у знакомыхъ, въ частныхъ библіотекахъ — всюду, гдѣ только можно было достать, и перечитывались толково, основательно съ неослабнымъ интересомъ. Прочитанное хорошо продумывалось и укладывалось въ прекрасной памяти, какою обладалъ покойный. Эта любовь къ чтенію у А. Н. осталась на всю жизнь. Ко всякой новой книгѣ онъ былъ просто неравно-

душеньки старался приобрести ее, удѣляя на это значительную долю изъ своего скромнаго жалованья, такъ что въ теченіе своей тридцатилѣтней службы успѣлъ собрать значительную по размѣрамъ домашнюю библіотечку. Эту любовь къ книгѣ онъ старался всѣми силами воспитывать и въ своихъ ученикахъ, по собственному опыту зная несомнѣнную пользу чтенія.

Завѣтной мечтой покойнаго было, по окончаніи семинаріи, поступить въ академію, но слабое здоровье помѣшало ему выполнить эту мечту сразу же въ годъ выхода изъ семинаріи. Онъ рѣшилъ посвятить нѣкоторое время отдыху и затѣмъ съ свѣжими силами приняться за дѣло для подготовленія въ высшую школу. Между тѣмъ судьба готовила ему дѣло, съ которымъ онъ не расставался уже въ теченіе всей своей жизни.

Въ Роменскомъ духовномъ училищѣ около этого времени открылось мѣсто учителя латинскаго языка и была вакантна должность помощника смотрителя. На послѣднюю вакансію, по требованіямъ тогдашняго устава, необходимо было избрать кандидата изъ наличнаго состава преподавателей. Оставивъ на время мысль объ академіи А. Н., согласно прошенію и по прочтеніи пробныхъ уроковъ, 16 декабря 1869 года былъ утвержденъ въ должности учителя и затѣмъ, несмотря на то, что былъ моложе всѣхъ изъ преподавателей, но какъ лучшій студентъ, рекомендованный къ тому же о. ректоромъ семинаріи, былъ избранъ помощникомъ смотрителя и 29 января 1870 года утвержденъ въ этой должности епархіальнымъ преосвященнымъ. Въ училищѣ къ этому времени былъ обновленъ почти весь составъ корпораціи, начиная съ начальствующихъ и кончая учителями. Уходъ старыхъ дѣятелей и стремленіе молодыхъ занять ихъ мѣста сопровождалось, какъ это неизбѣжно случается, разнаго рода смутами и неурядицами, которыя неблагопріятно

отражались на правильномъ и спокойномъ теченіи училищной жизни. Последнимъ дѣломъ къ устраненію этихъ неурядицъ было замѣщеніе должности помощника смотрителя. Утверждая Алексѣя Никитича въ этой должности блаженной памяти Высокопреосвященный Іоаннъ, Архіепископъ Полтавскій, между прочимъ, писалъ въ своей резолюціи: „Надѣюсь, что все теперь пойдетъ наконецъ въ училищѣ мирнымъ, стройнымъ и добрымъ порядкомъ, къ чести начальствующихъ и всѣхъ учащихся и къ прямой пользѣ учащихся. Молитвенно призываю Божіе благословеніе на всѣхъ: да положится начало благое“ (Резол. 29 янв. 1870 г. № 484).

Молитвенная надежда Владыки оправдалась: дальнѣйшая жизнь училища пошла мирнымъ путемъ, чему не мало способствовалъ, конечно, и новый помощникъ смотрителя, какъ непремѣнный членъ правленія, отличавшійся уступчивымъ нравомъ, мягкимъ и благороднымъ характеромъ и искренно желавшій добра своему родному училищу.

Поступивъ на службу, А. Н. все-же не оставлялъ мысли о высшей школѣ. Горячо принявшись за учебно-воспитательное дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ принимая близкое и непосредственное участіе въ хлопотахъ и заботахъ по открытію общественной бібліотеки въ городѣ, онъ продолжалъ готовиться къ экзаменамъ для поступленія въ академію, куда влекла его природная жажда знанія. 5-го іюля 1873 года, напутствуемый благословеніемъ Преосвященнаго Архіепископа Іоанна, А. Н. оставилъ училищную службу и отправился въ г. Кіевъ, по 24 августа того-же года возвратился обратно и былъ вновь принятъ на прежнюю должность въ училищѣ. Состояніе здоровья не позволило ему поступить въ академію, и съ этого времени онъ окончательно оставилъ мысль о ней. За то съ тѣмъ большей энергіей принялся онъ за дѣла служебныя. Исторія дальнѣйшей службы А. Н. неразрывно связана съ исторіей благоустрой-

ства училища. За все послѣдующее время личность покойнаго трудно представляется въ отдѣльности отъ училища, равно какъ и училище трудно представить безъ него. Роменское духовное училище до начала семидесятыхъ годовъ владѣло однимъ только пустопорожнимъ грунтомъ, но собственнаго помѣщенія не имѣло. Только съ этого времени, благодаря неусыпнымъ заботамъ и матеріальнымъ жертвамъ со стороны окружного духовенства, благоустройство училища начало двигаться довольно энергично: въ теченіе двѣнадцатилѣтняго періода съ 1874 по 1886 годъ духовенство приобрѣло два обширныхъ обстроенныхъ грунта и соорудило на нихъ два большихъ корпуса: одинъ двухъ-этажный и другой трехъ-этажный съ домовою церковью, истративъ на благоустройство до 150 тысячъ рублей. И если на благоустройство родного своего училища окружное духовенство не жалѣло матеріальныхъ средствъ, то члены строительной комиссіи не жалѣли трудовъ и здоровья при постройкахъ. По своей должности А. Н. былъ непремѣннымъ членомъ строительной комиссіи, и, состоя таковымъ, онъ, вмѣстѣ съ другими близко стоящими къ дѣлу лицами, былъ въ числѣ самыхъ ревностныхъ работниковъ. Помимо прямыхъ обязанностей по инспекторской и учительской должности, все остальное свое время онъ отдавалъ дѣлу благоустройства, жертвуя отдыхомъ, не досыпая ночей. Вмѣстѣ съ другими онъ участвовалъ въ производствѣ торговъ, въ заведеніяхъ, въ наблюденіи за постройкой, въ приемкѣ матеріаловъ и велъ при этомъ сложную отписку по правленію и строительной комиссіи въ качествѣ дѣлопроизводителя, исполняя все это безъ всякаго вознагражденія. Такіе труды во всей ихъ сложности и тягости можетъ оцѣнить только тотъ, кому на дѣлѣ самому приходилось нести ихъ и видѣть близко, какъ несутъ другіе. Окружное духовенство, съ такимъ вниманіемъ относившееся къ родному училищу, не

менѣе внимательно было и къ трудамъ членовъ-строителей. Въ формулярномъ списокѣ А. Н. занесенъ цѣлый рядъ благодарностей отъ сѣзда окружного духовенства за труды по благоустройству училища, за попечительную заботливость о воспитаніи дѣтей, за безмездное завѣдываніе дѣлопроизводствомъ и проч., а въ день двадцатипятилѣтней службы въ должности помощника смотрителя Алексію Никитичу былъ поднесенъ образъ его патрона, святителя Алексія, митрополита Московскаго, и адресъ съ описаніемъ заслугъ покойнаго въ самыхъ прочувствованныхъ и теплыхъ выраженіяхъ.

Но главная дѣятельность А. Н. сосредоточивалась, конечно, не на благоустройствѣ училища. Это былъ трудъ только между прочимъ. Все свое вниманіе, силы и энергію онъ отдавалъ учебно-воспитательному дѣлу.

Есть люди, къ которымъ судьба относится особенно благовольтельно и даетъ при жизни какъ разъ то дѣло, къ которому они сродны и чувствуютъ наибольшую склонность. Въ числу такихъ людей принадлежалъ Алексій Никитичъ Волковъ. Съ благородной душой и любвеобильнымъ сердцемъ, онъ какъ будто рожденъ былъ для воспитанія дѣтей, и въ сферѣ воспитанія часто дѣйствовалъ по какому-то вдохновенію съ постоянной и неизмѣнной удачей. Множество воспитательныхъ его приемовъ въ обращеніи съ дѣтьми были результатомъ не научной педагогической подготовки, а пріобрѣтены были имъ лично путемъ долговременнаго опыта; эти приемы присущи были ему одному и, не будучи записаны и переданы другимъ, умерли вмѣстѣ съ нимъ. Покойный обладалъ умомъ глубокимъ, гибкимъ и разностороннимъ, укрѣпленнымъ и облагороженнымъ солиднымъ развитіемъ и образованіемъ; сверхъ того онъ имѣлъ рѣдкую наблюдательность, которая много помогала ему въ дѣлѣ воспитанія. Ничто не ускользало отъ его вниманія при первомъ же

знакомствѣ съ ученикомъ. Онъ сразу-же, всегда почти, безошибочно опредѣлялъ характеръ своего питомца, но, по свойственной ему осторожности, не останавливался на первомъ опредѣленіи, боясь впасть въ ошибку, и старался внимательно провѣрить свои наблюденія справками о родителяхъ, о домашней обстановкѣ, объ окружавшей средѣ, о товарищахъ питомца и его дѣтскихъ наклонностяхъ. Съ воспитательными средствами онъ обращался также съ большою разборчивостью и осмотрительностію; поэтому людямъ, близко стоявшимъ къ покойному, часто приходилось наблюдать, что для достиженія однѣхъ и тѣхъ же цѣлей въ дѣлѣ воспитанія, онъ въ одномъ случаѣ прибѣгалъ къ такому средству, въ другомъ — къ иному, достигая всегда желанныхъ результатовъ; за одинъ и тотъ-же проступокъ очень часто одного ученика подвергалъ одному наказанію, другого — совсѣмъ иному, а наказаніе третьяго иногда состояло только въ разговорѣ инспектора съ провинившимся, но результаты исправленія были однѣ и тѣ же, и дѣти, обыкновенно чуткіе при неравномѣрности взысканій, безропотно повиновались его распоряженіямъ. Съ дѣтьми, которые трудно поддавались воспитательному вліянію, онъ не сразу прибѣгалъ къ крайнимъ мѣрамъ; онъ пробовалъ и испытывалъ всѣ мѣры, какія были возможны и какія были въ его распоряженіи, и только когда уже были испытаны всѣ мѣры до крайнихъ включительно, онъ, скрѣпя сердце, доводилъ о виновномъ до свѣдѣнія правленія. И тутъ, при разсмотрѣніи и обсужденіи дѣла, онъ готовъ былъ еще многое извинять воспитаннику. Если вообще увольненіе ученика изъ учебнаго заведенія представляется событіемъ въ высшей степени печальнымъ, то для А. Н. оно бывало настоящимъ горемъ, надолго омрачавшимъ его ровное хорошее настроеніе. Можно безъ преувеличенія сказать, что жизнь cadaго ученика въ мельчайшихъ ея подробностяхъ была извѣстна

А. Н., и потому при какомъ либо проступкѣ, когда виновный укрывалъ свое имя, онъ безошибочно называлъ его. Преобладающее настроеніе въ характерѣ обращенія покойнаго съ дѣтьми было ровное, ласковое, и потому воспитанники относились къ своему инспектору всегда довѣрчиво, безъ всякаго лукавства. Эта ласковость не была дѣланной и искусственной, она исходила отъ чистаго сердца воспитателя. Не только люди взрослые и способные критически относиться къ поступкамъ другихъ, но и всѣ воспитанники ясно видѣли, что главнымъ руководителемъ для А. Н. въ дѣлѣ воспитанія была горячая и вмѣстѣ разумная любовь къ дѣтямъ, которая сказывалась на каждомъ шагу его служенія: въ заботливости о помѣщеніи и столѣ дѣтей, объ играхъ и въ развлеченіяхъ, въ тщательномъ наблюденіи за развитіемъ и направленіемъ cadaго воспитанника и въ особенности за воспитаніемъ въ нихъ духа церковности, необходимаго будущимъ пастырямъ. Будучи самъ человѣкомъ правдивымъ, религіознымъ, съ сильно развитымъ чувствомъ долга, онъ старался воспитывать и въ ученикахъ тѣ же черты и качества, первый подавая во всемъ примѣръ. Служебный день его начинался въ 7 часовъ утра и заканчивался въ 10 часовъ вечера; въ продолженіе этихъ пятнадцати часовъ онъ былъ на ногахъ неизмѣнно бодрымъ, веселымъ, предупредительнымъ къ посѣтителямъ и внимательнымъ къ своему дѣлу; въ теченіе дня онъ посѣщалъ спальни, кухню, столовую, присутствовалъ на молитвѣ, въ церкви, преподавалъ свои уроки въ классѣ, наблюдалъ за внѣкласснымъ поведеніемъ учениковъ, всюду являясь во время и никогда не жалуясь на усталость. Такой примѣръ воспитателя дѣйствовалъ на учениковъ во сто разъ лучше всякихъ нравоученій, къ которымъ никогда почти не прибѣгалъ покойный. Въ теченіе тридцатилѣтней службы А. Н. въ должности помощника смотрителя, ему, конечно, приходилось

имѣть дѣло съ дѣтьми самыхъ разнообразныхъ характеровъ и темпераментовъ. Были за это время увольненія и исключенія; были разнаго рода наказанія для виновныхъ. Но никто не только изъ тѣхъ, которые были наказываемы, но и изъ тѣхъ, которые были уволены, не можетъ сказать, что дѣйствія А. Н., какъ инспектора, по отношенію къ нимъ были несправедливы. Напротивъ, всѣ его ученики, начиная съ тѣхъ, въ жизни которыхъ судьба оказалась мачихой, и кончая тѣми, которые достигли самыхъ высокихъ положеній въ обществѣ, — всѣ сохранили къ нему память какъ къ человѣку высоко-гуманному и благородному. Родители, воспитывавшіе своихъ дѣтей въ Роменскомъ духовномъ училищѣ, долго не забудутъ Алексѣя Никитича, всегда ласковаго, доступнаго, обремененнаго дѣломъ, но готоваго жертвовать своимъ временемъ для всякаго, кто нимѣлъ дѣло къ нему, какъ инспектору, а въ сердцахъ всѣхъ его питомцевъ это имя умретъ только съ ихъ смертію...

Таковъ былъ Алексѣй Никитичъ, какъ помощникъ смотрителя — воспитатель дѣтей въ духовно-учебномъ заведеніи.

За службу по духовно-учебному вѣдомству А. Н. былъ разновременно награжденъ орденами: св. Анны 3-й степени и св. Станислава 3-й и 2-й степени.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Священникъ Петръ Михайловичъ Діаталовичъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

3-го марта текущаго года, около 9 часовъ вечера, внезапно скончался отъ паралича сердца на 65 году своей жизни достоуважаемый ключарь Полтавскаго кафедральнаго собора, священникъ Петръ Діаталовичъ. Неожиданная смерть этого выдающагося пастыря и виднаго дѣятеля въ сферѣ

епархіального управління искренно всѣхъ опечалила и невольно напомнила каждому о собственномъ вечерѣ жизни. Еще разъ поразительно исполнилась неизмѣнная великая истина: „*человѣкъ, яко трава, дніе его, яко цвѣтъ сельный тако оцвѣтетъ*“ (Пс. 102, 15)....

Въ пятницу второй седмицы поста о. ключарь совершалъ пассію, съ особеннымъ благоговѣніемъ прочталь положенное Евангеліе; по окончаніи Богослуженія, какъ и всегда отдалъ необходимыя распоряженія и около 6 часовъ воротившись въ свою квартиру, прилежъ отдохнуть, но когда въ 9-мъ часу пришли пригласить его по дѣламъ службы, то нашли лежащимъ на полу предъ иконами, гдѣ онъ, быть можетъ, въ предчувствіи часа смертнаго, хотѣлъ подкрѣпить свой духъ святою молитвою. Немедленно приглашенные врачи только подтвердили неумолимый конецъ жизни, а оповѣщенные сослуживцы исполнили печальный обрядъ послѣдняго облаченія собрата по чину іерейскому и въ 2 часа ночи совершили первую заупокойную литію, учредивъ затѣмъ непрерывное чтеніе Евангелія надъ усопшимъ до его погребенія, при участіи всего градскаго духовенства.

Эта потеря вѣрнаго послушника и соработника глубоко опечалила благостившаго нашего Архипастыря, но онъ съ неизмѣннымъ упованіемъ на Промыслъ Божій нашель въ себѣ силы духа побороть гнетущую скорбь и на другой день прибыть въ квартиру покойнаго для совершенія панихиды въ соучастіи соборнаго причта.

Въ 4 часа вечера 4 марта гробъ съ покойнымъ вынесенъ былъ на рукахъ священнослужителей въ малый храмъ при соборѣ, гдѣ отправлена была всенощная, а на другой день заупокойная литургія. Въ соборномъ же храмѣ литургію, съ возглашеніемъ на ней вѣчной памяти священно-іерею Петру, совершалъ Преосвященный Владыка Иларіонъ и въ положенное время произнесъ прочувствованное слово, посвя-

щенное памяти скончавшагося, чѣмъ и раздѣлялъ скорбь свою съ паствою. Отмѣтивъ высокій обликъ почившаго, какъ человѣка и пастыря, Преосвященный архипастырь указаль на его заслуги по благоуукрашенію и расширенію соборнаго храма и дѣятельность самую благоплодную на пользу Полтавскаго Отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества, гдѣ покойный состоялъ дѣлопроизводителемъ со времени открытія его въ г. Полтавѣ и которому покойный, можно сказать, посвятилъ большую часть своихъ трудовъ.

По окончаніи рѣчи, Владыка направился въ малый храмъ и надъ гробомъ почившаго совершилъ литію. Вечеромъ того-же дня прибылъ въ соборъ проститься и благословить покойнаго въ иной путь и Преосвященный викарій, епископъ Гедeonъ, также совершившій при гробѣ литію.

Послѣ совершенія литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ въ понедѣльникъ, 6-го марта, за которой весьма содержательнымъ словомъ помянулъ память покойнаго собрата каедральный протоіерей, о. Ѳеодоръ Лазурскій, отправлено было архіерейскимъ служеніемъ отпѣваніе почившаго, при участіи всего градскаго духовенства; а за 6-й пѣсню канона произнесено было глубоко назидательное надгробное слово епархіальнымъ наблюдателемъ, священникомъ о. Іустиномъ Ольшевскимъ и воздавъ послѣднее цѣлованіе почившему, мы простились съ нимъ на вѣки....

Похоронень о. Петръ на городскомъ кладбищѣ, куда провожала его, кромѣ служащаго духовенства, густая толпа народа.

Да, умеръ человѣкъ, но жива память о немъ, которая сказывается на каждомъ шагѣ, потому что вся жизнь покойнаго о. Петра проведена въ непрестанныхъ трудахъ на пользу родной намъ епархіи въ самыхъ разнообразныхъ служебныхъ положеніяхъ.

Духовно-нравственный облик о. Петра отмѣчается такими характерными чертами, какъ твердая вѣра и упованіе на Промыслъ Божій, непреклонная воля и самое аккуратное отношеніе къ принятымъ на себя обязанностямъ и служебному долгу, строгая умѣренность въ жизни, любовь къ церкви, истовое совершеніе Богослуженія и частое богомысліе. Правда, на видъ онъ былъ суровъ, но сурова была та школа жизни, которую онъ перенесъ, тяжелы были тѣ испытанія, которыя выпали на его долю, и только его глубокая вѣра, благоговѣйная настроенность и непреклонная сила воли въ слабыхъ тѣлѣ помогли ему перенести эти удары судьбы. Каковы они?... Благоговѣйная память къ почившему удерживаетъ отъ воспоминаній этой житейской борьбы, да и покойный переносилъ ихъ въ себѣ самомъ терпѣливо, не любя открывать свои тяжкія думы на людской пересудъ; это, быть можетъ, и породило ту болѣзнь сердца, на которую иногда жаловался покойный и которая привела его къ роковому концу.

Памятникомъ его религіозной настроенности остались тѣ весьма цѣнные иконы Богородицы „Всѣхъ скорбящихъ радость“ и св. Ѳеодосія, которыми онъ украсилъ соборный храмъ, тотъ величественный иконостасъ, который исполненъ при его ближайшемъ участіи, и много другихъ вещей, которые жертвовались хотя и другими лицами въ соборъ, но по его совѣту, просьбѣ и убѣжденію. Оказывалъ благотворенія часто почившій и людямъ, но любилъ дѣлать это въ тайнѣ.

Служебное поприще покойнаго о. Петра протекло въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, но всегда и вездѣ оно отмѣчено рѣдкою настойчивостію и благоплодностію. Покойный о. Петръ, сынъ протоіерея, родился въ г. Кременчугѣ 16 января 1836 года, получилъ образованіе въ духовной семинаріи, курсъ которой окончилъ со степенью студента.

Какъ достойнѣйшій и обнаружившій задатки педагога, онъ опредѣленъ былъ учителемъ въ Полтавское духовное училище. Молодой наставникъ обратилъ на себя вниманіе точною исполнительностію и разумнымъ веденіемъ дѣла, за что, при ревизіи училища въ 1859 году, была объявлена ему благодарность Правленія семинаріи. Рукоположенный въ санъ священника 21 ноября 1859 года къ Рождество-Богородичной церкви г. Полтавы, онъ и на поприщѣ служенія церкви явилъ себя виднымъ дѣятелемъ, проходя должность члена ревизіоннаго комитета, исполняя обязанности священника Волынскаго пѣхотнаго полка, получивъ благословеніе епархіальнаго Преосвященнаго, такъ сказать, на первыхъ порахъ своей пастырской службы, въ 1862 году. Съ 1864 года начинается второй періодъ его общественной дѣятельности, когда онъ по прошенію своему былъ перемѣщенъ къ Успенской церкви м. Карловки, Константиноградскаго уѣзда. Здѣсь во всей широтѣ открылась его дѣятельность на пользу духовнаго просвѣщенія народа. Съ неуклоннымъ прохожденіемъ пастырскаго служенія онъ исполняетъ должность наставника Барловскаго министерскаго училища, наблюдаетъ за ходомъ обученія Закону Божию во всѣхъ сельскихъ училищахъ Константиноградскаго уѣзда, на свои средства открываетъ и поддерживаетъ приходскую школу въ с. Тагамликѣ, состоитъ членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта, удостоиваясь за свою плодотворную дѣятельность двукратнаго полученія отъ министерства денежныхъ наградъ, почетныхъ отзывать епархіальнаго начальства, полученія набедренника въ 1866 году, скуфіи въ 1873 году. Съ 1870 по 1874 г. о. Петръ проходилъ должность благочиннаго 2-го округа Константиноградскаго уѣзда; въ 1874 г. онъ былъ опять перемѣщенъ въ г. Полтаву къ Николаевской церкви. Въ губернскомъ городѣ онъ явился уже не новичкомъ, а искуснымъ богатымъ опытомъ жизни мужемъ, которому пору-

чаются трудныя и отвѣтственныя должности въ епархіальномъ управленіи: 14 лѣтъ проходить онъ обязанности члена ревизіоннаго комитета и наблюдателя за производствомъ расходовъ по училищной экономіи, 13 лѣтъ состоитъ членомъ епархіальнаго попечительства, 3 года членомъ Правленія духовнаго училища, 11 лѣтъ членомъ и дѣлопроизводителемъ мѣстнаго комитета Миссіонерскаго Общества, 2 года состоялъ законоучителемъ образцовой школы при епархіальномъ училищѣ и школы при тюремномъ замкѣ, къ церкви котораго онъ былъ перемѣщенъ и настоятелемъ въ 1882 году.

Отмѣченный неоднократно выраженіями ему благодарности епархіальнаго начальства за добросовѣстное исполненіе его порученій и полное оправданіе возлагаемыхъ на него надеждъ, о. Петръ въ 1890 году награждается камилавкою. Въ томъ-же (1890) году онъ назначенъ ключаремъ кафедральнаго собора и вмѣстѣ съ симъ является однимъ изъ главныхъ дѣятелей по открытію и устройству епархіальнаго свѣчнаго завода.

Служеніе свое при соборѣ почившій о. Петръ ознаменовалъ пожертвованіемъ въ церковь иконы Богоматери „Всѣхъ скорбящихъ Радость“, стоимостію въ 842 руб., предъ которою и нынѣ по субботамъ совершается торжественное акеистное пѣніе при большомъ стеченіи почитающихъ сей образъ богомольцевъ, и принесеніемъ собору въ даръ драгоценныхъ лампадъ, художественной работы подсвѣчниковъ и другихъ цѣнныхъ вещей на сумму 600 руб. Не ограничиваясь исполненіемъ священническихъ и ключарскихъ обязанностей, съ 1892 по 1894 годъ онъ состоитъ благотворнымъ градскихъ церквей, несетъ труды при устройствѣ епархіальнаго книжнаго склада и въ томъ же году въ награду получаетъ наперсный крестъ. Послѣ 4-хъ-лѣтняго служенія при соборѣ о. Петръ перемѣщенъ къ Преображенской цер-

кви г. Полтавы и нѣкоторое время состоялъ смотрителемъ свѣчнаго завода, много потрудившись надъ усовершенствованіемъ столь сложнаго свѣчнаго дѣла и надъ устройствомъ при заводѣ Св.-Владимірскаго приюта для вдовъ и сиротъ духовнаго званія, за что и удостоенъ нѣсколькихъ изъясленій благодарности епархіальнаго начальства и полученія ордена св. Анны 3-й ст.

Въ 1898 году онъ утвержденъ штатнымъ членомъ Полтавской духовной консисторіи, а 28 апрѣля 1899 года вторично переведенъ въ кафедральный соборъ на прежнюю должность ключаря, гдѣ такъ быстро и неожиданно пресѣклась его жизнь.

Но и второе кратковременное служеніе своеѣ собору покойный успѣлъ ознаменовать пожертвованіемъ цѣннаго кіота съ иконою св. Θεодосія Черниговскаго чудотворца художественной работы.

Итакъ, не вѣдше прожита жизнь и не сокрыты усопшимъ о. Петромъ данные ему Богомъ разнообразныя духовно-нравственныя таланты. Да сотворитъ же его многомилостивый Господь, по богатству Своея благодати, сыномъ свѣта и причастникомъ вѣчныхъ, нескончаемыхъ радости въ царствіи Своемъ. А всѣ друзья и ближніе, знаемые и незнаемые, сродницы и доброхоты да послушаютъ молитвеннаго гласа церкви отъ лица новопреставленнаго священно-іерея Петра: *„братіе мои возлюбленніи, не забываютъ мя, егда поете Господа: но поминайте и братство, и молитесь Бога, да упокоитъ мя съ праведными Господь“* (процарь погребенія священниковъ).

Св. *Вл. III.*

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

О пастырскомъ посохѣ.— Юбилей Владимірской семинаріи.— Погребеніе старыхъ книгъ въ Іерусалимѣ.— Къ характеристикѣ общественныхъ воззрѣній.— Благотворительность москвичей.

О пастырскомъ посохѣ. Посохъ, или жезлъ, издревле считается знакомъ власти, палицею славною (Іерем. 48, 17; Іезек. 19, 11). При рукоположеніи архіерея и при возведеніи въ чины архимандрита и игумена имъ дается жезлъ съ нѣкотою торжественностію. Послѣднимъ архіерей, вручая его, говоритъ: „Прими сей жезлъ, имже утверждеи паству твою, да правиши: яко и слово имаши отдати за ю, напему Богу, во дни суда“. Въ архипастырскомъ поученіи, положенномъ на этотъ случай, съ большею ясностію излагаются пастырскія обязанности: „Врученную тебѣ,—говорится, между прочимъ,—путеводи по заповѣдямъ Архипастыря и Владыки Спаса Христа, со всякимъ прилежаніемъ и тщаніемъ, не склоняя на десное или шуе, но путемъ среднимъ, иже именуется царскій путь: и проведи ю отъ тлѣнныхъ къ нетлѣннымъ, отъ земныхъ къ небеснымъ: якоже и Моисей, по еже взяти ему жезлъ отъ Господа Бога, преведе людъ израильскій изъ работы египетскія въ землю обѣщанную. Дадеса тебѣ жезлъ сей не для властельства мірскаго, еже гордетеса надъ порученными тебѣ, или и бити я безсловесно: но яко кормчій кормило вручися тебѣ, во правительство корабля духовнаго, плавающего по многобурно-волненномъ мори житія сего: жезлъ яко истинно пастырю и не яко наемнику... Паси богатное тебѣ стадо, яко отецъ чадомъ равную любовь показуя“... (Чиновн.). Тѣ же обязанности внушаются архи-

пастыремъ іерею при его рукоположеніи. Хотя не вручается ему жезлъ лично самимъ владыкою, но отсюда еще не слѣдуетъ, что іереи безъ жезла должны быть. Самъ Христосъ Спаситель, посылая учениковъ Своихъ, не велѣлъ имъ брать съ собою ни денегъ, ни хлѣба, ни одежды въ запасъ, а посохъ велѣлъ взять (Марк. 5, 8).

Принимая все это во вниманіе, нельзя не признать значенія пастырскаго жезла; значеніе это—немаловажное. Священника съ жезломъ узнають, гдѣ бы онъ ни былъ, отличаютъ его отъ діакона, отъ монаха послушника, и относятся къ нему съ подобающимъ уваженіемъ, а нѣкоторые добрые христіане пользуются встрѣчею со священникомъ, чтобы получить отъ него благословеніе именемъ Божиимъ. Во всякомъ случаѣ, священникъ съ своимъ знаменемъ пастырства *не теряетъ ничего, а приобретаетъ не мало* въ пользу своего званія. Не даромъ раскольническіе попы предвосхищаютъ право законныхъ пастырей: они дерзновенно, попирая запрещеніе и законъ, часто одѣваются, какъ священники, и ходятъ съ священническимъ жезломъ. Для священника нельзя опредѣлить и времени и мѣста для выполненія пастырства: онъ всегда и вездѣ можетъ встрѣтить случай, который призываетъ его къ дѣлу; къ нему всегда,—и на пути и при посѣщеніи домовъ,—могутъ обращаться за благословеніемъ, за помощію, совѣтомъ, утѣшеніемъ, и тому под. Слѣдовательно, священникъ въ своемъ приходѣ долженъ всегда быть въ своемъ видѣ, съ пастырскимъ жезломъ. Издревле священники такъ и смотрѣли на свой посохъ. Не очень давно (до семидесятихъ годовъ) и въ православной Россіи пастыри непременно имѣли его и носили въ своемъ приходѣ при исполненіи требъ. Новопоставленные іереи, приготовляя себѣ ко дню рукоположенія священническую одежду, непременно приобретали и жезлъ пастырскій (посохъ, трость). Нынѣ же, къ сожалѣ-

нію, не всегда можно встрѣтить священника съ жезломъ; многіе молодые совершенно не имѣють его, считая эту пастырскую принадлежность какъ бы ненужною. Такое отношеніе къ посоху, если и не свидѣтельствуетъ объ упадкѣ въ настоящее время пастырской дѣятельности, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть признано желательнымъ: оно даетъ ннымъ, особенно недоброжелателямъ православія, поводъ думать о православныхъ пастыряхъ не въ ихъ пользу. Оставляя свой жезлъ безъ вниманія, православный русскій священникъ въ самомъ дѣлѣ какъ бы уступаетъ его жепастырямъ, и когда же? — въ виду гибельной ихъ дѣятельности, когда онъ долженъ дорожить всѣми знаками своего священническаго достоинства (К. Е. В.).

Юбилей владимірской духовной семинаріи. 30-го января въ гор. Владимірѣ происходило юбилейное торжество по случаю исполнившагося 150-лѣтія со дня основанія семинаріи.

Юбилейное торжество началось литургіей въ Богородицкой, при семинаріи, церкви, которую совершала владимірскій архіепископъ Сергій, въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ семинаріи, преподавателей и многочисленной публики, переполнившей семинарскій храмъ.

Послѣ этого въ залѣ Дворянскаго собранія, въ 1 часъ дня, состоялся торжественный актъ. Высокопреосвященный Сергій произнесъ рѣчь о пользѣ духовнаго образованія, при чемъ упомянулъ о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ, вышедшихъ изъ владимірской семинаріи; между ними особенно выдѣляется личность извѣстнаго министра при Александрѣ I, графа Сперанскаго. Изъ другихъ слѣдовавшихъ затѣмъ рѣчей наибольшаго вниманія заслуживаютъ рѣчи преподавателей семинаріи Малицкаго и Доброправова. Первый очень подробно изложилъ исторію развитія владимірской семинаріи, начиная со дня ея основанія въ 1750 году, Доброправовъ

говорилъ на тему о духовномъ просвѣщеніи и его развитіи въ Россіи отъ времени Петра I.

Послѣ рѣчей слѣдовали депутаціи съ адресами и разными подношеніями. Депутація отъ города поднесла въ даръ семинаріи дорогую икону съ заявленіемъ о назначеніи городской думою ежегодной субсидіи на содержаніе двухъ воспитанниковъ семинаріи.

Затѣмъ читались привѣтственные телеграммы отъ разныхъ лицъ, бывшихъ воспитанниковъ семинаріи, состоящихъ въ настоящее время на разныхъ поприщахъ духовной, административной и учебной службы, и, между прочимъ, отъ нѣкоторыхъ преосвященныхъ: Θεогноста, арх. новгородскаго, Павла, еп. пензенскаго, еп. сумскаго, Никона, викарія с.-петербургской епархіи, и др. („Русск. Листокъ“).

Погребеніе старыхъ книгъ въ Іерусалимѣ. Во всѣхъ синагогахъ Іерусалима издавна существуетъ обычай всѣ старыя религіозныя книги и рукописи сохранять въ особомъ мѣстѣ, въ какой нибудь нишѣ, шкафѣ или же въ подземной пещерѣ. Мѣсто это называется Гениза (отъ арабскаго геназе, что значитъ погребеніе или гробъ). Книгъ этихъ накапливается иногда въ короткое время очень много, ибо у евреевъ немного нужно, чтобы признать священную книгу негодною болѣе къ употребленію.

Это бываетъ не только тогда, когда книга изорвется, истреплется, но даже, напримѣръ, и въ томъ случаѣ, если въ Торѣ или въ какомъ либо молитвенникѣ имя Божіе читается совсѣмъ не ясно: книга эта изъемлется изъ употребленія и немедленно отправляется въ генизу. Какъ скоро помещеніе это (шкафъ или цистерна) наполнится до верху, берутъ всѣ старыя книги, рукописи, свертки и зашиваютъ ихъ въ мѣшки. Пятокнижіе Моисеево заключаютъ въ особые глиняные сосуды. Уложивъ такимъ образомъ, ихъ доставляютъ въ Сефардинъ, большую синагогу испанскихъ

евреевъ, гдѣ и копится въ особо для этого отведенномъ помѣщеніи все множество старыхъ книгъ изъ всѣхъ синагогъ. Наконецъ настаетъ время, когда и это главное помѣщеніе переполняется. Тогда-то и наступаетъ великое торжественное погребеніе всего этого запаса книгъ, которое также носитъ названіе празднованія Генизы. Въ прежнее время, когда евреевъ въ Іерусалимѣ было не такъ много, погребеніе это происходило каждыя 7 лѣтъ. Въ послѣднее же время, когда число евреевъ съ Іерусалимѣ возросло до 50000, Гениза происходитъ гораздо чаще, — почти каждый годъ.

Лѣтъ 40 или 50 тому назадъ гробъ, назначенный для этой цѣли, находился въ долинѣ Іосафата, — тамъ, гдѣ евреи погребаютъ своихъ покойниковъ и гдѣ, какъ они думаютъ, на основаніи словъ пророка Іоила, начнется воскресеніе мертвыхъ въ день страшнаго суда. Гробъ этотъ былъ высѣченъ въ скалѣ и похожъ на тотъ, въ который положено было тѣло Христово; въ высокой скалѣ находилась низенькая дверь, запиравшаяся особымъ обтесаннымъ для того камнемъ. Но такъ какъ изъ этого гроба, лежащаго неподалеку отъ такъ называемой гробницы Авессалома, было украдено, повидимому богомольцами, нѣсколько рукописей, то онъ и былъ навсегда задѣланъ. Въ настоящее время каждый разъ для погребенія священныхъ книгъ готовится особый гробъ. Въ большинствѣ случаевъ для этого выбирается какая нибудь подземная пещера на кладбищѣ евреевъ въ восточной части города.

Въ чемъ же состоитъ этотъ обрядъ погребенія?

Какъ только накопится достаточное число книгъ, заранее назначается день Генизы, который празднуется всѣми евреями. Рано утромъ собираются евреи въ этотъ день въ своихъ многочисленныхъ синагогахъ. Всѣ на ногахъ и въ какомъ-то торжественномъ возбужденіи. Толпами идутъ они

въ свои синагоги. Оттуда направляются они къ Сіонскимъ воротамъ, гдѣ назначенъ сборный пунктъ. Приблизительно въ 10 часовъ утра собираются въ главную синагогу все раввины и старики. Каждый раввинъ беретъ изъ груды нѣсколько книгъ, по возможности стараясь захватить одну изъ пяти книгъ Моисея, заключающихся въ особыхъ глиняныхъ сосудахъ, чтобы нести эту драгоценную ношу въ предстоящей великой процессіи. Наиболее цѣнную изъ этихъ книгъ несутъ подъ особымъ драгоценнымъ шелковымъ балдахиномъ. За раввинами слѣдуетъ и весь остальной народъ съ многочисленными мѣшками, корзинами и пакетами священныхъ книгъ въ рукахъ. Впереди этого торжественнаго шествія, движущагося по улицамъ Іерусалима, идетъ отрядъ турецкаго войска и хоръ музыкантовъ. На обширной площади передъ Сіонскими воротами происходитъ остановка. Толпа начинаетъ громко ликовать; происходитъ нѣчто, напоминающее ветхозавѣтные праздники. Раздается пѣніе торжественныхъ стиховъ и псалмовъ. Начинаются религіозныя пляски. Вновь раздаются дорогіе звуки Давидовыхъ псалмовъ, раздававшіеся здѣсь тысячи лѣтъ тому назадъ; съ пѣніемъ несутся книги въ тихую Бенгинномскую долину и къ Кедрону.

Черезъ полчаса приблизительно толпа съ раввинами во главѣ двигается дальше въ долину мимо Масличной горы, чтобы похоронить дорогія книги. И грустное зрѣлище представляетъ собою этотъ блуждающій Израиль, намѣревающийся похоронить въ землѣ драгоценнѣйшее, что ему было довѣрно, книги откровеній; это невольно напоминаетъ о томъ, что они погребли драгоценнѣйшій довѣренный имъ залогъ („Я. Е. В.“).

Къ характеристикѣ общественныхъ воззрѣній: М. И. Драгомировъ о дуэли. — Живымъ, оригинальнымъ языкомъ,

съ горячимъ убѣжденіемъ написана, помѣщенная въ „Развѣдчикѣ“, статья М. И. Драгомирова о дуэляхъ.

Въ древности, говорить г. Драгомировъ, не было дуэлей, а единоборства, которыя собственно представляли только эпизодъ сраженія: разница, и существенная, въ томъ, что это замѣняло столкновение массъ, и личной вражды между противниками не было. Однимъ словомъ, была честь города, націи, за которую и стоялъ индивидуумъ даже до смерти, но его личного понтія о чести, въ рыцарскомъ смыслѣ, не было. Вспомнимъ еще: „бей, но выслушай“ Оемистокла.

Складъ понятій нашего народа тотъ же, что у древнихъ, и къ нему слѣдовало бы платоническимъ обожателямъ дуэлей отнести можетъ быть нѣсколько болѣе внимательно, нежели къ тому, что написано въ иностранныхъ книжкахъ, возникшихъ подъ вліяніемъ понятій и обычаевъ, намъ совершенно чуждыхъ.

Правъ совершенно г. Новиковъ, что въ нашемъ языкѣ нѣтъ даже словъ для выраженія понятія *point d'honneur*; но я иду далѣе: у насъ нѣтъ и слова, точно выражающаго понятіе *honneur*. Основной смыслъ нашего слова честь есть собственно почеть. Говорятъ: „отдать честь“, „по отцу и сыну честь“, „честь вамъ и слава“. Честный человѣкъ по нашему вовсе не значитъ *un homme d'honneur*, а скорѣе *un homme vertueux*.

Рыцарства у насъ не было, не могло, слѣдовательно, возникнуть и той индивидуальной щепетильности, которая изъ-за косога взгляда, изъ-за неосторожнаго слова ведетъ къ бреттерству. У насъ эта щепетильность является товаромъ привознымъ, обезьянствомъ съ Европы.

Вся наша бѣда—въ томъ, что мы до сихъ поръ считаемъ себя предъ Европой малолѣтками, всегда стараемся подражать старшимъ. Подражаемъ, конечно, по обычаю

малолѣтковъ, поверхностно, т. е. не въ чемъ-нибудь стоящемъ, духовномъ, а въ belles manières и тому подобныхъ пустякахъ. Въ Европѣ дерутся на дуэли, какъ же не драться и намъ? Если бы въ Европѣ было въ ходу рукоприкладство, несомнѣнно и у насъ оно получило бы право гражданства и убѣжденныхъ апологетовъ. Полное отсутствіе самостоятельности, дурно понятое личное достоинство, не больше; да еще на подкладкѣ трусости предъ тѣмъ, чтобы, не сочли трусомъ.

Пора быть самими собою. Если я кого обидѣлъ и дѣйствительно себя уважаю, я первый долженъ извиниться именно въ силу и мѣру этого самоуваженія; въ этомъ, полагаю, гораздо болѣе сознанія подлиннаго личнаго достоинства, нежели въ томъ, чтобы, сдѣлавъ глупость, а иногда и мерзость, упереться на ней ослинымъ обычаемъ.

Нѣкоторые думаютъ, будто дуэлями можно уменьшить рукоприкладство: большая ошибка, объясняемая невниманіемъ къ тому, откуда у насъ рукоприкладство идетъ. У многихъ изъ насъ оно въ крови и вѣдалось въ натуру путемъ вѣковой практики; слѣдовательно, можетъ и выпариться не иначе, какъ путемъ такового же вѣкового отсутствія этой практики; но конечно не можетъ исчезнуть въ какія-нибудь не только 30, 40, а и сто лѣтъ.

По Библии кары за преступленіе идутъ до седьмого колѣна; смѣю думать, что въ иныхъ случаяхъ онѣ тянутся дольше.

Рукоприкладство — одна изъ отрыжекъ крѣпостнаго права. Тѣ, которые такъ теперь возмущаются проявленіями рукоприкладства, пусть не забудутъ, что ихъ дѣды, а у старшихъ поколѣній и отцы, практиковали его въ широкихъ размѣрахъ не только надъ крестьянами, а иногда, нечего грѣха таить, и между собою... Были исключенія, но только исключенія.

Общезвѣстная истина, что рабство развращаетъ не одного раба, а и рабовладѣльца—только послѣдняго вѣчно много разъ больше. Кто скорѣ на руку съ низшимъ, усвоиваетъ эту привычку вообще и, если его раздражить, не задумается примѣнить ее и съ равнымъ...

Отсюда изящныя 18-лѣтнія дѣвицы, приказывающія выгладить цорячимъ уютюгомъ спину горничной за недостаточно художественно выглаженное платье; гг. Пѣночкины и другіе имъ подобныя герои Тургенева, и какъ, вѣнецъ всего, Грибоѣдовскій „Несторъ негодяевъ знатныхъ“:

„Усердствуя, они, въ часы вина и драки, и честь, и жизнь его не разъ спасли; вдругъ—на нихъ онъ вымѣнялъ борзыхъ двѣ собаки“...

Значитъ, этотъ Иксъ заушалъ и былъ заушемъ: дѣло взаимное и между высоко „блаародными“ людьми, ибо былъ онъ не только знатный, но даже Несторъ между знатыми. Въ нѣкоторомъ родѣ *primus inter pares!*

Повторяемъ, такія застарѣлыя, вѣковыя язвы можетъ излечить только время, и очень некороткое... А мы воображаемъ, что одно—другое мѣропріятіе... и это исчезнетъ! По щучьему велѣнію.

Стоять только, по правиламъ „кодекса, выработаннаго и освященнаго опытомъ Запада“, ухлопать въ годъ десятка два—три подпоручиковъ—и дѣло въ шляпѣ: возникнутъ *belles manières*, уютяченное, чувствительное, какъ вскрытый нарывъ, чувство личнаго достоинства, блаародное обращеніе; и все, все у насъ будетъ совсѣмъ, совсѣмъ такъ, какъ на просвѣщенномъ культурномъ Западѣ, предъ коимъ мы стояли и должны стоять на заднихъ лапкахъ, и съ благоговѣніемъ, безъ критики все отъ него принимать.

„Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно...“ Вѣдь подпоручики-то пригодились бы для дѣла, вѣдь никто не знаетъ, какихъ духлопаютъ—можетъ быть

будущаго Лермонтова или Суворова; вѣдь гибнуть большею частью не худшіе, а лучшіе?!

„Ахъ, помяните! Что скажетъ Европа?“ Да пусть ее говорить, что хочетъ. Вѣдь она не интересуется тѣмъ, что скажетъ Россія, даже тогда когда дѣлаетъ подлинныя, заправскія мезрости; такъ что намъ интересоваться тѣмъ, что скажетъ она въ дѣлѣ разумномъ и чистомъ. Потщимся же быть самими собой.

Благотворительность москвичей. Москвичи всегда славились широкой благотворительной дѣятельностью. Что эта слава была вполне заслуженной славой, видно изъ приведенныхъ В. М. Духовскимъ 9 января, на засѣданіи московскаго думскаго благотворительнаго совѣта, числовыхъ данныхъ. Еще въ 1889 г. въ Москвѣ числилось до 500 благотворительныхъ учреждений, обладавшихъ, въ общей сложности, имуществомъ на сумму до 48 милліоновъ руб. и тратившихъ ежегодно до 7 милліоновъ. Въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія дѣло благотворительности въ Москвѣ значительно подвинулось впередъ.

Чтобы хотя отчасти характеризовать, какъ обильно въ Москвѣ поступаютъ жертвуемыя деньги, корреспондентъ „Россіи“ приводитъ въ высшей степени замѣчательный и крайне отрадный списокъ пожертвованій лишь за одинъ день.

На устройство церкви въ Рождественскомъ монастырѣ пожертвовано, по духовному завѣщанію, монахиней Серафиміей, въ мѣрѣ М. В. Лапшиной—100,000. На нужды монастыря оставленъ домъ на 4-й Мѣщанской, стоимостью въ 400,000 руб., Алексѣевскому монастырю оставленъ, по тому же завѣщанію, домъ на 2-й Мѣщанской—въ 200,000 руб. Лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, представленъ въ комитетъ братолюбиваго общества снабженія въ Москвѣ неимущихъ квартирами капиталъ въ 30,000 руб. на постройку каменнаго дома для приюта бѣдныхъ. Лицо,

пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, предоставило въ пользу общества попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ капиталъ въ 25,000 руб., и это за одинъ день! Если подсчитать, кажется, что сумма приближается къ милліону... Дѣйствительно, свѣтъ и въ частности первопрестольная столица наша не безъ добрыхъ людей! Характерно здѣсь особенно то обстоятельство, что много жертвователей совершенно не желаетъ, чтобы знали ихъ имя—слѣдовательно жертва, жертва въ полномъ смыслѣ слова...

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

РОССІЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

ЗАСТРАХОВАНІЯ КАПИТАЛОВЪ и ДОХОДОВЪ УЧР. ВЪ 1835 Г.

Старѣйшее и единственное учрежденное въ Россіи о-во, занимающееся исключительно и спеціально страхованіемъ жизни.

Капиталъ общества болѣе 26,000,000 руб.

ТАРИФЫ И ЛЬГОТЫ ВЪ КОНКУРЕНЦІИ.

Участіе страхователей въ прибыляхъ и дѣлахъ общества.

Самыя льготныя условія при

ЛИКВИДАЦІИ СТРАХОВАНІЙ.

Страхованія принимаются на выгодныхъ условіяхъ, приспособленныхъ къ различнымъ цѣлямъ. Страхованіе приданнаго и капиталовъ для обезпеченія себя на старость на ОСОБЕННО-ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ, какихъ не имѣется ни въ одномъ изъ отечественныхъ или иностранныхъ обществъ.

НАРОДНОЕ СТРАХОВАНІЕ

со взносомъ платежей отъ 50 коп. въ мѣсяцъ.

Россійское общество путемъ погашенія акціонернаго капитала превращается во **Взаимное общество.**

Агенство въ Полтавѣ Александровская ул. д. Варшавскихъ.

Агентъ *И. Дохманъ.*

Б А Л А Н С Ъ

Полтавскаго Общества Взаимнаго Кредита Купцовъ,

(со времени открытія съ 26

На 1-е Марта

активъ.

Касса Общества	-	6629	71
Суды подь залогъ Государственныхъ % бумагъ	-	5195	-
Учтенные векселя съ двумя и болѣе подписями	- - - -	142528	16
Расходы по управленію и канцеларіи		2274	99
Движимое имущество Общества	-	1175	07
Прод. бумаги, приобрѣтенныя за счетъ членовъ	- - - -	99	-
Балансъ	-	157901	93
Обязательства 293 Членовъ.			
По кредиту:			
Необезпеченному	- - - -	247200	
За вычетомъ 10% взноса въ оборотный капиталъ	- - - -	222480	
Предсѣдатель			
Члены:			
Бухгалтеръ			

Торгово-промышленниковъ и сельскихъ хозяевъ
Октября 1899 г.).

1900 года.

пассивъ.

Оборотный капиталъ (10% взн.)	-	24720	-
Процентные вклады:			
а) до востребованія членовъ	-	2000	-
членовъ	-	38900	-
б) на 1 годъ и болѣе			
постор. лицъ	-	21800	62700
членовъ	-	38495	64
Текущіе счета			
посторон. лицъ	-	24409	35
членовъ	-		
Проценты и комиссіи			6736 43
Переходяція суммы			830 86
Гербовый сборъ			9 65
Балансъ		157901	63
Л. М. Молдавскій.			
Г. М. Бобринскій.			
Ф. А. Горюховъ.			
И. И. Ульяновъ.			

Бъ свѣдѣнію о.о. завѣдывающихъ и учителей церковныхъ школь.

Складъ житій святыхъ и священныхъ изображеній изъ г. Прилукъ переведенъ въ м. Семеновку, Полтавской губ. Выписывать можно и наложеннымъ платежемъ.

Обращаться къ уполномоченному Отдѣла Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, священнику *Гавриилу Поповиченко*.

Сямъ имѣю честь заявить, что я принимаю подряды омыванія и чистки НЕДАВНО ИЗОБРѢТЕННЫМЪ ХИМИЧЕСКИМЪ СПОСОБОМЪ самой старой и закоптѣлой ПОЗОЛОТЫ церковныхъ иконостасовъ, кіотъ, иконъ, рамъ и т. п. по дереву позолоченныхъ церковныхъ утварей, а такъ же омываніе и очистку ЖИВОПИСИ и на ней металлическихъ и серебряныхъ ризъ; все это по очисткѣ и омывкѣ даетъ самый изящный видъ, замѣняющій на десятки лѣтъ новую и дорого стоющую позолоту.

Желающие пригласить меня для переговоровъ о выше описанномъ предметѣ соблаговолятъ адресовать по указанному ниже адресу.

Съ почтеніемъ *Тимодей Дьяченко*.

Адресъ: Воронежской губерніи Острогожскаго уѣзда въ слободу Сагуны получить Тимоѣю Дьяченкову.

При этомъ № разсылается объявленіе: «Самообезпеченіе».

СОДЕРЖАНІЕ:—I. О покаяніи (окончаніе),—II. Слово при погребеніи ключара Полтавскаго кафедральнаго собора, священника П. М. Дяталовича, 6 марта 1900 г.—III. Поученіе произнесенное при литургии въ Полтавскомъ кафедральномъ соборѣ, въ день погребенія ключара онаго собора, священника Дяталовича. IV.— Учрежденіе и открытіе церковно-приходской школы при Переяславской Вознесенской обители—V. Алексѣй Никитичъ Волковъ (некрологъ).—VI. Священникъ Петръ Михайловичъ Дяталовичъ (некрологъ).—VII. Извѣстія и замѣтки.—VIII. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи { *В. Терлеуцкій.*
В. Конопатовъ.

Печ. съ разр. мѣстн. дух. цензуры, 20 марта 1900 г.

Полтава, Типо-Литогр. Л. Фришберга.